

11. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 68. Относительно Г.Ф. Миллера на это обращал внимание сам С.В. Бахрушин, находя, что «отец сибирской истории» предвосхитил многие положения современной научной мысли, касающиеся возникновения летописания в зауральской части России.
12. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин ... С. 62; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 197.
13. Сергеев В.И. Сибирские летописи // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стлб. 823.
14. Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 48, и др.
15. Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е. Забелина // Русская книжность XV – XIX вв. М., 1989. С. 198. (Тр. Гос. Ист. музея. Вып. 71).
16. См.: Яковлева А.М. Вопросы раннего сибирского летописания в исследованиях Е. К. Ромодановской // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2003. Вып. 5. С. 150.
17. Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. // ПИ. М., 1956. Т. 5. С. 190.
18. См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 21; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 469.

Сухоносова С.В. (Екатеринбург)
Профилактика пожаров в Перми и Екатеринбурге
в конце XIX – начале XX в.

На рубеже XIX – XX вв. пожары были частым явлением во многих российских городах. Особенно остро эта проблема стояла в провинциальных городах (как уездных, так и губернских), где деревянная застройка существенно преобладала над каменной. Не составляли исключения и города Пермской губернии. По данным адрес-календарей Пермской губернии, в 1895-1903 гг. в Перми и Екатеринбурге случалось в среднем от 10 до 35 пожаров в год (1). Ущерб от этих бедствий был очень ощутимым, в отдельные годы - до 40-50% городского бюджета. Так, например, в 1901 г. в Екатеринбурге убытки от пожаров составили 104 тыс. 800 руб., то есть около 46,8 % городского бюджета (2).

Решение «пожарного вопроса» было во многом связано с рядом технических проблем (с приобретением нового оборудования для пожарных обозов, строительством водонапорных башен и локальных противопожарных водопроводов, совершенствованием работы пожарных команд, улучшением условий труда пожарных служителей).

Однако не менее важной была задача предотвращения пожаров и устранения основных причин их возникновения: преобладания в городах деревянных построек над каменными; нарушения правил городской застройки и правил пожарной безопасности для городских обывателей.

Вопрос о замене деревянных построек каменными не раз обсуждался как в Перми, так и в Екатеринбурге. Однако решить его оказалось непросто. По словам гласного Екатеринбургской городской думы Г.Ф.Казанцева, «было бы полезно в некоторых кварталах деревянные постройки заменить каменными, и не позволять возводить там вновь

деревянных строений, но достичь этого едва ли возможно, так как большинство домовладельцев этих кварталов люди небогатые» (3). Строительство каменных домов обходилось значительно дороже строительства домов деревянных, что было связано с недоступными для большинства горожан ценами на кирпич. По этой причине объемы каменного строительства в городах во многом определялись существующими ценами на кирпич.

В Екатеринбурге городская управа предприняла попытку поставить под контроль количество и качество производимого в городе кирпича. В 1874 г. были приобретены в собственность города «кирпичные сараи» горного ведомства. Благодаря приобретению новых технических средств (печи и машины для обжига кирпича), Управе удалось добиться увеличения объемов выделки кирпича (до 3 млн. кирпичей в год) (4). Однако уже через два года городскому самоуправлению пришлось признать, что кирпичное производство оказалось убыточным для городского хозяйства. Было решено отдать городские кирпичные сараи в аренду с условием предоставления городской управе возможности ежегодно закупать до 100 тыс. кирпичей по льготным ценам для городских надобностей и отпусков бедным жителям (5).

В последующие годы органы городского самоуправления ограничивались принятием мер, косвенно стимулирующих кирпичное производство, поддерживая частных предпринимателей на условиях поставок кирпича по льготным ценам. В Перми по решению городской думы предоставлялись в аренду участки земли на территории городского выгона: в 1883 г. купцу Миронычеву и крестьянину Каменских - для устройства кирпичных сараев (6); в 1903 г. мещанину И.С.Мощевичину - для постройки кирпичеделательного завода (7). Екатеринбургская городская дума оказала содействие Товариществу «Шишкин и Заспанов» (в 1904 г.); купцу И.С.Соколову в постройке кирпичеделательного завода (в 1909 г.) (8).

Однако предпринятые шаги не привели к развитию массового каменного строительства: значительного снижения цен на кирпич не удалось достигнуть. По замечанию одного из гласных Екатеринбургской городской думы, «население по прежнему покупало кирпич неохотно» (9). В результате объем каменного строительства как в Перми, так и в Екатеринбурге вырос незначительно. В 1902 г. Пермской городской управой было выдано 360 разрешений на постройку новых домов. Из них предполагалось к постройке 48 каменных (13,3%), 285 деревянных (79,2%) и 27 – смешанных домов (7,5%) (10). В Екатеринбурге к 1910 г., по сравнению с данными на 1849 г., количество каменных построек (по отношению к их общему числу) возросло с 5,5 до 9,7% (11).

Еще одной из причин частых пожаров было нарушение правил застройки городов. На основании статей 361 и 365 Ч. 1, Т. XII Устава Строительного (1886) постройки должны были производиться с соблюдением установленных разрывов или с возведением брандмауэров. Запрещалось возведение деревянных построек на маломерных усадебных участках, двухэтажных деревянных домов и деревянных домов с мезонинами (за исключением домов на каменных погребках, подвалах или каменных сплошных фундаментах). В строениях, имеющих над первым этажом другое деревянное жилое помещение, необходимо было установить не менее двух лестниц, причем для каменной части строения лестницы изготавливались из негорючего материала. Во всех домах с деревянными этажами дымовые трубы при печах предписывалось устраивать на отдельных фундаментах «с надлежащими кирпичными разделками около деревянных стен, перегородок, полов и потолков» (12).

Наблюдение за исполнением Устава Строительного осуществляли городские архитекторы и члены городских управ. В спорных ситуациях разрешение на ту или иную постройку утверждалось постановлением городской думы на основании ходатайства застройщика, заключения городского архитектора и справки городской управы. В частности, в апреле 1883 г. на заседании Пермской городской думы было рассмотрено заявление мещанина Гилева о разрешении ему на маломерном месте по Ермаковскому проулку постройки усадебных строений по представленному им в городскую управу плану. Поскольку, по заключению городского архитектора, «план в техническом отношении был составлен правильно, и в пожарном отношении опасности не представлял», Дума постановила постройки разрешить (13). Однако нередко были случаи, когда ходатайства горожан о разрешении построек отклонялись. Так, в январе 1903 г. Пермская городская дума отклонила ходатайство купца И.А.Рязанцева и мещанина П.Н.Голдобина о разрешении им деревянных построек на маломерных усадебных участках «вследствие стеснения усадеб постройками и тесноты проездов на случай пожаров опасной»; в мае того же года – ходатайство Дудорова о постройке полукаменного дома, поскольку предполагаемое строение было «стеснено соседними постройками и представляло опасность в пожарном отношении» (14).

Органы городского самоуправления наблюдали также за соблюдением правил постройки лавок на городских рынках (15), принимали меры по сносу ветхих строений. Так в марте 1883 г. по постановлению Пермской городской думы были разобраны здания бывшего военного госпиталя (напротив земской больницы), так как они «пришли в абсолютное разрушение, угрожали падением и были опасны в пожарном отношении»; в августе 1883 г. – было принято решение о сносе ветхого здания манежа в Перми (16). По постановлению Екатеринбургской го-

родской думы, устройство печей и установка паровых машин в городе должны были осуществляться только с разрешения Думы по заключению городского архитектора. Запрещалось варить легко воспламеняемые вещества (масло, смолу, сало и т.д.) (17).

Отдельно решался вопрос о содержании складов лесных материалов на территории городов. В августе 1883 г. Пермской городской думой рассматривалось ходатайство домовладельцев Торговой улицы об уничтожении лесного склада, принадлежащего Уральской горнозаводской железной дороге, помещенного в усадебном месте Губонина. Склад занимал одну треть городского квартала и вмещал не одну сотню куб. сажень горючего материала. Городская дума полностью поддержала мнение жителей, и городской управе было поручено разработать правила, запрещающие постройку в черте города лесных складов свыше определенного размера (длиной 12 сажень, шириной 6 сажень и вышиной – трех аршин) (18). В Екатеринбурге склады горючих материалов было разрешено устраивать только «в каменных со сводами помещениях» (19).

В целом, можно заметить, что правила застройки городов были разработаны достаточно полно и подробно (что нашло отражение и в Уставе Строительном, и в отдельных постановлениях городских дум), однако они часто нарушались. Ответственность за соблюдение правил была возложена на городских архитекторов, но они не всегда выполняли свои обязанности. В Екатеринбурге на заседаниях городской думы не раз поднимался вопрос о неудовлетворительной работе городских архитекторов (20). По замечанию, высказанному на заседании Пермской городской думы в январе 1903 г. гласным Н.В. Павловым, «городские постройки в последнее время располагаются крайне тесно на усадьбах, многие дворы сплошь застроены; в случае пожара городу угрожает страшная опасность. И между тем за постройками никто не следит» (21).

Кроме правил застройки, органами городского самоуправления разрабатывались и устанавливались также «Обязательные постановления» для городских жителей, включающие и правила пожарной безопасности. В Перми и Екатеринбурге, как и во многих других российских городах, проекты обязательных постановлений разрабатывались в начале 1870-х годов, а в последующие годы часто переиздавались и дополнялись.

В соответствии с обязательными постановлениями, запрещалось курение и использование свечей в лавках деревянных корпусов, на деревянных мостах, в конюшнях, на сеновалах, чердаках, «на пароходотоварных пристанях» вблизи сложенных товаров; застилка дворов деревом; вынос горящих углей из печей; хранение легко воспламеняющихся веществ в местах, опасных в пожарном отношении. Домовладельцам вменялось в обязанность иметь чаны и кадки с водой, метлы и швабры, а также пожарные лестницы «соответственной со строениями вышины».

Дымовые трубы нужно было чистить и чинить не реже одного раза в месяц, а печи - каждую четверть года. Хозяева близких к пожару домов должны были высылать на крышу людей для тушения искр (22).

В состав Обязательных постановлений входил пункт «об учреждении участковых старост и ночных караулов». Улицы города делились Управой на пожарные участки, на каждом из которых, «для наблюдения за охранением общественной безопасности и в отношении пожарных случаев» «по выбору от домовладельцев» назначались участковые старосты. Старосты нанимали на средства домовладельцев ночных караульных и наблюдали «за добросовестным и усердным» исполнением сторожами своих обязанностей (23).

Также как постановления, касающиеся правил застройки, Обязательные постановления далеко не всегда исполнялись городскими жителями. Несмотря на многократные напоминания членов городских управ и угрозы со стороны городских полицмейстеров «привлечь к законной ответственности виновных в неисполнении», нередко были случаи, когда городские жители «никаких забот по исполнению правил не проявляли» (24). И хотя в конце XIX – начале XX в. в Перми и Екатеринбурге действовали Вольные пожарные общества, общества взаимного страхования от огня недвижимых имуществ, наиболее активные и сознательные горожане безвозмездно оказывали помощь городским пожарным командам. В целом отношение городских обывателей к проблемам обеспечения противопожарной безопасности было по большей части безответственным, что существенно снижало эффективность работы органов городского самоуправления в этом направлении.

---

1. Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1897 г. Пермь, 1897. С.288-289; То же на 1899 г. Пермь, 1899. С.93; То же на 1900 г. Пермь, 1900. С.186-187; То же на 1901 г. Пермь, 1901. С.319-320; То же на 1903 г. Пермь, 1903. С.88-89; То же на 1905 г. Пермь, 1905. С. 118-119.

2. Расчет произведен на основании данных: Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1903 г. Пермь, 1903. С.88-89; Отчет Екатеринбургской городской управы о движении сумм, капиталов и имущества за 1901 г. Екатеринбург, 1903. С. 68.

3. Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1873 г. Екатеринбург, 1875. С.189.

4. Протоколы Екатеринбургской городской думы за март 1874 г. Екатеринбург, 1874. С.3.

5. Протоколы Екатеринбургской городской думы за 1876 г. Тетрадь IV. № 13-17. Екатеринбург, 1877. С.50-51; То же за первую половину 1877 г. Екатеринбург, 1877. С.58.

6. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.425. Л.66.

7. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.447. Л.112 об.

8. ГАСО. Ф.8. Оп.1. Д.1985. Л.226, 130.

9. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1877 г. Екатеринбург, 1877. С. 84.

10. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.447. Л.243.

11. Расчет произведен на основании данных: ГАСО. Ф.8. Оп.1. Д.1988. Л.349-350; Горловский М.А. Горный город Екатеринбург. Свердловск, 1948. С.55; Пятницкий А.Н. К истории Екатеринбурга-

- Свердловска периода 1917-1941 годов // Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска. Свердловск, 1947. С.74.
12. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.426. Л.162, 172, 173; ГАСО. Ф.62. Оп.1. Д.613. Л.22 об.
13. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.425. Л.83-83 об.
14. Там же. Д.447. Л. 4-5 об., 96 об.
15. Протоколы Екатеринбургской городской думы за 1876 г. Тетрадь IV. Екатеринбург, 1877. С. 143, 214; То же за вторую половину 1885 г. Екатеринбург, 1886. С. 53.
16. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.425. Л. 51-51 об., 53, 56 об., 132.
17. Протоколы Екатеринбургской городской думы за 1876 г. Тетрадь V. Екатеринбург, 1877. С.37-38; То же за IV четверть 1882 г. Екатеринбург, 1883. С. 24; Обязательные постановления Екатеринбургской городской думы. Екатеринбург, 1901. С.4-5.
18. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.425. Л.157, 158, 222 об.
19. Обязательные постановления Екатеринбургской городской думы. Екатеринбург, 1901. С.4-5.
20. Протоколы Екатеринбургской городской думы за первую половину 1879 г. Екатеринбург, 1879. С. 160-161.
21. ГАПО. Ф.512. Оп.1 Д.447. Л.5, 5 об.
22. Протоколы Екатеринбургской городской думы за 1876 г. Тетрадь IV. Екатеринбург, 1877. С.197-198; Город Екатеринбург (1889-1998). Екатеринбург, 1998. С. 913; ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.425. Л.216 об.–221.
23. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.425. Л.222-222 об.; Обязательные постановления Екатеринбургской городской думы. Екатеринбург, 1901. С.5-8.
24. ГАПО. Ф.512. Оп.1. Д.427. Л.38, 40, 41; ГАСО. Ф.62. Оп.1. Д.376а. Л.322.

Сушков А.В. (Нижний Тагил)

Причины и механизм утверждения Н.С. Хрущева Председателем Совета Министров СССР в марте 1958 г.*

Наиболее ярким показателем концентрации власти в руках Н.С. Хрущева после поражения в июне 1957 г. так называемой «антипартийной группы» стал тот факт, что в марте 1958 г. в дополнение к двум постам – Первого секретаря ЦК КПСС и председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, он занял третий – Председателя Совета Министров СССР, возглавив, таким образом, и партийную, и исполнительную ветви власти.

Политическая судьба предыдущего Председателя Совета Министров СССР – Н.А. Булганина, была предрешена его участием на стороне противников Н.С. Хрущева в июне 1957 г. Глава государства был крайне разгневан тем, что против него выступил руководитель, обязанный в первую очередь ему своим назначением на высокую должность Председателя Правительства СССР, человек, которому доверял многие свои планы, в том числе сокровенные мысли о дальнейших кадровых перестановках в высшем руководстве СССР (1). Хрущев не мог простить, как он считал, черную неблагодарность, предательство, как со стороны своего выдвиженца, Секретаря ЦК КПСС Д.Т. Шепилова, так и со стороны Н.А. Булганина. Поэтому наибольший удар главы государства пришлось выдержать именно этим двум руководителям, хоть и не игравшим первоочередной роли в июньских событиях 1957 г.